

можность какихъ-либо серьезныхъ нарушеній дисциплины. Кромѣ того, Д. Г. частнымъ образомъ поручалъ иногда помощникамъ классныхъ наставниковъ, въ случаяхъ надобности, наблюдать въ общественныхъ мѣстахъ за поведеніемъ ученицъ.

Насколько Д. Г. интересовался гимназіей и успѣхами ея ученицъ, видно изъ слѣдующаго: будучи въ послѣдніе годы жизни больнымъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени и не имѣя возможности давать уроки въ классахъ, гдѣ онъ преподавалъ, Д. Г. присылалъ темы для исполненія письменныхъ работъ ученицами, подъ наблюденіемъ начальницы. Эти работы онъ рецензировалъ и, по выздоровленіи, возвращалъ ученицамъ. Въ послѣдній годъ своего служенія въ гимназіи Д. Г. занемогъ болѣзною лѣвой руки и долженъ былъ нѣсколько мѣсяцевъ не выходить изъ дома. Тогда онъ исходатайствовалъ у попечителя Харьковскаго учебнаго округа разрѣшеніе на то, чтобы слушательницы восьмого класса брали уроки педагогики и дидактики въ помѣщеніи мужской гимназіи, гдѣ Д. Г. могъ имъ преподавать, не посѣщая женской гимназіи. Разрѣшеніе было получено и слушательницы четыре раза въ недѣлю, въ сопровожденіи классной дамы, ходили въ мужскую гимназію. Это было въ 1899—1900 учебномъ году.

Въ заключеніе своей рѣчи о Д. Г. расскажем о его прощаніи съ гимназіей. Когда онъ, въ 1900 году вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ и болѣзненнаго состоянія, былъ освобожденъ отъ должности директора мужской гимназіи и предсѣдателя педагогическаго совѣта женской, то по ходатайству попечительнаго совѣта онъ же былъ избранъ городскою думою членомъ его и такимъ образомъ связь его съ основанной имъ гимназіей не могла прерваться, но болѣзненное состояніе не дало Д. Г. возможности принимать участіе въ дѣлахъ гимназіи и онъ былъ въ ней только одинъ разъ (осенью 1900 года), чтобы попрощаться съ бывшими сослуживцами своими. Конечно, сослуживцы сочли бы своимъ долгомъ лично явиться къ Д-му Г-вичу для выраженія своихъ чувствъ и поднесенія адреса, съ изложеніемъ заслугъ его предъ гимназіей, но онъ пожелалъ еще разъ быть въ стѣнахъ того учрежденія, въ которомъ работалъ, не покладая рукъ, 40 лѣтъ. Итакъ собрались сослуживцы, ученицъ не было, согласно желанію Д. Г. Онъ вошелъ въ залъ болѣзненный, усталый, грустный. Преподаватель Н. Н. Гладковъ прочиталъ адресъ, подписанный всѣми сослуживцами. Затѣмъ преподаватель А. А. Танковъ произнесъ, по порученію сослуживцевъ, краткую рѣчь, въ которой указалъ, что всѣ прощающіеся съ Д-мъ Гр-вичемъ высоко цѣнятъ его заслуги предъ гимназіей и что много пользы и добра принесъ онъ среднему женскому образованію въ Курскомъ краѣ. Д. Г. благодарилъ, но былъ необыкновенно молчаливъ и видимо чувствовалъ себя тяжело. Залъ, гдѣ происходило прощаніе, былъ пустъ, осенніе солнечные лучи печально играли на стеклахъ оконъ. Преподаватель педагогики, директоръ Курской учительской семинаріи Ѳ. Г. Кашменскій взялъ Д. Г. подъ руку, провелъ его въ пріемную комнату и усадилъ на диванъ. Всѣ сѣли. Чрезвычайно грустно было видѣть Д-ла Гр-вича больного, тоскливо и беспомощно сидѣвшаго на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ десятки лѣтъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ и таланта выслушивалъ доклады начальницы и другихъ лицъ, высказывалъ свои авторитетныя мнѣнія. Ѳ. Г. Кашменскій тогда обратился къ Д. Г. съ прочув-